

Размышленія о русской революціи.

І. Послѣ мировой войны.*)

Міровая война формально закончилась съ заключеніемъ перемирія между англо-французско-итальяно-американской коалиціей и коалиціей германской въ ноябрѣ прошлаго года. Однако на самомъ дѣлѣ все, что мы пережили и переживаемъ съ тѣхъ поръ, есть продолженіе и видоизмѣненіе міровой войны. Поэтому намъ слѣдуетъ уяснить себѣ прежде всего смыслъ міровой войны, какъ событія международной жизни, какъ акта международного состязанія.

Міровая война была начата Германіей и вытекла изъ ея стремленія къ міровому владычеству. Въ настоящее время это — не субъективное мнѣніе, опредѣляемое симпатіями того или другого лица, а непреложная историческая истина, удостоверяемая не только ходомъ событій, предшествовавшихъ началю войны, но, что гораздо важнѣе, ходомъ самой войны. Сейчасъ, когда трагическій исходъ войны для Германіи ясенъ, можно видѣть, что если бы Германія не стремилась къ полной побѣдѣ, т. е. къ міровому владычеству, она могла и должна была бы сама гораздо раньше прервать войну. Но она желала полной побѣды и вѣрила въ нее именно потому, что цѣлью этой наступательной войны для нея было міровое владычество, опирающееся на превосходство военной силы. Въ основѣ войны со стороны Германіи была недостижимая утопическая цѣль, цѣль именно прежде всего политически недостижимая. Она оказалась въ военномъ отношеніи недостигнутой и недо-

*) Публичная Лекція, прочитанная въ ноябрѣ 1919 г. въ Ростовѣ н Дону и воспроизводимая здѣсь почти безъ измѣненій.

стижимой, потому что она была политически въ широчайшемъ смыслѣ, т. е. и политически-психологически и матеріально-экономически, недостижимой.

Въ самомъ началѣ Германія изъ военно-стратегическихъ соображеній совершила роковую для себя ошибку: нарушение бельгійскаго нейтралитета. Этотъ фактъ повлекъ за собою немедленное вступленіе въ войну Англии и тѣмъ сдѣлалъ невозможнымъ быстрое сокрушеніе Франціи. Есть неопровержимыя доказательства того, что германское правительство, начиная войну, рассчитывало, что Англія не сейчасъ вступится въ нее. Въ силу вступленія Англии въ войну Германія очутилась одновременно лицомъ къ лицу съ Англійей и Россіей.

Противъ кого была направлена война Германіи? И сейчасъ, послѣ исхода войны, осложненнаго русской революціей, событія, въ значительной мѣрѣ задуманнаго и осуществленнаго Германіей, и до революціи въ широкихъ русскихъ общественныхъ кругахъ держался и держится взглядъ, что міровая война была состязаніемъ между Германіей и Англійей, подобно тому, какъ наполеоновскія войны были состязаніемъ между Франціей и Англійей, хотя Россія играла видную и, казалось бы, рѣшающую роль въ наполеоновскихъ войнахъ. По результатамъ это въ значительной мѣрѣ такъ. Хотя въ міровой войнѣ побѣжденными оказываются Германія и Россія, первая — на полѣ сраженія и въ экономическомъ состязаніи, вторая — вслѣдствіе самоубійственнаго акта своего—революціи, намѣреніемъ и заданіемъ Германіи при начатіи войны было сокрушить Россію и тѣмъ самымъ безраздѣльно утвердить свое владычество на континентѣ Европы, что своимъ послѣдствіемъ, конечно, имѣло бы и міровое владычество Германіи. Поэтому, не формально и не случайно, а по существу и по заданію Германія войну направляла противъ Россіи, Германія поставила ставку на сокрушеніе Россіи.

Это обнаружилось и въ ходѣ самой войны. Когда русская революція, подстроенная и задуманная Германіей, удалась, Россія по существу вышла изъ войны. Чѣмъ же занялась Германія? Расчлененіемъ, т. е. разрушеніемъ Россіи. Политика Германіи имѣла ввиду реализовать этотъ результатъ, какъ главнѣйшій и совершенно несомнѣнный плодъ войны.

Такъ смотрѣли на дѣло и тѣ, кто рассчитывалъ одержать полную побѣду въ войнѣ противъ западныхъ державъ, и тѣ, кто на такую побѣду не рассчитывалъ. Какъ извѣстно, творецъ и главный дѣятель Брестъ-Литовскаго мира съ германской стороны, статсъ-секретарь фонъ Кюльманъ не вѣрилъ въ возможность полной побѣды Германіи на поляхъ сраженія, и за то, что онъ публично и какъ официальное лицо высказалъ это мнѣніе, онъ, по настоянію высшей военной власти, долженъ былъ подать въ отставку. Но онъ же провелъ расчлененіе Россіи по брестъ-литовскому миру, и противъ этого германская высшая военная власть и не думала ни бороться ни даже протестовать. А это и значитъ, что для Германіи первой и основной цѣлью войны, которая началась съ объявленія войны Россіи, было сокрушеніе и разрушеніе Россіи, какъ великой державы, въ ея историческомъ образѣ и въ ея исторической мощи. Когда послѣ войны 1870—1871 года знаменитый французскій политическій дѣятель и историкъ революціи и Наполеона, потомъ первый президентъ французской республики, Тьеръ, объѣзжая разные дворы съ цѣлью отысканія поддержки у другихъ европейскихъ державъ, встрѣтился, если не ошибаюсь, въ Вѣнѣ съ знаменитымъ нѣмецкимъ историкомъ Ранке, съ которымъ онъ былъ связанъ узами личной дружбы, и спросилъ Ранке: съ кѣмъ послѣ сверженія Наполеона III Германія ведетъ войну? — Ранке отвѣчалъ: съ Людовикомъ XIV. Этотъ отвѣтъ для того, кто знаетъ исторію Европы, ясенъ. Смыслъ его заключается въ томъ, что Эльзась былъ присоединенъ къ Франціи Людовикомъ XIV, и Германія въ послѣдней трети XIX вѣка вела войну съ Франціей за отторженіе Эльзаса отъ Франціи.

Германія въ 1914 г. начала войну противъ Россіи и вела ее противъ Ивана Грознаго и Петра Великаго, т. е. вела ее съ цѣлью сокрушенія и расчлененія Россіи.

Не только бесполезно, но страшно вредно для нашихъ союзниковъ въ войнѣ и для нашихъ противниковъ въ ней затемнять этотъ основной ея смыслъ. Германія проиграла не только міровую войну, но и свое собственное могущество потому, что она, поставивъ себѣ эту задачу, абсолютно неприемлемую для Россіи, для ея государственныхъ силъ, одно-

временно съ тѣмъ желала вести и довести до конца свою войну съ западными державами. Можетъ быть, Германія могла бы сокрушить Россію, если бы она съумѣла вовремя покончить войну съ западными державами. Можетъ быть, Германія смогла бы побѣдить западныя державы, если бы она съумѣла найти компромиссъ съ государственными силами Россіи, а не поставила бы себѣ задачей во что бы то ни стало при помощи большевизма расчленить Россію. Объ этомъ можно много фантазировать, но это, на мой взглядъ, совершенно бесплодно. Фактъ остается на лицо. Германія стремилась въ этой войнѣ къ сокрушенію и расчлененію Россіи.

Въ декабрѣ 1918 года я пошаль изъ совѣтской Россіи на Западъ, сперва въ Финляндію, а потомъ черезъ Скандинавію въ Англію и Францію. Что меня всего болѣе поразило тогда на союзническомъ западѣ, это — та быстрота и легкость, съ какою общественное мнѣніе союзныхъ съ нами странъ усвоило себѣ ту точку зрѣнія на Россію, для которой я не нахожу другого болѣе правильнаго названія, какъ точка зрѣнія „Брестъ-Литовская“. Рядомъ съ этимъ у западноевропейскихъ правительствъ въ то время не было никакой опредѣленной точки зрѣнія на Россію и никакой политики по отношенію къ ней. Союзники были очень плохо освѣдомлены о Россіи, въ общемъ удивительно незнакомы какъ съ ея прошлымъ, такъ и съ ея настоящимъ. Это относится какъ къ правительствамъ, такъ и къ общественному мнѣнію. Что же касается общественнаго мнѣнія въ особенности, то въ немъ замѣчались, конечно, различные оттѣнки какъ непониманія и незнанія Россіи, такъ и враждебности къ ней. Въ этой враждебности отчасти виноваты мы сами. Мы слишкомъ безоглядно критиковали и порочили передъ иностранцами свою страну. Мы болѣе, чѣмъ недостаточно бережно, относились къ ея достоинству, ея историческому прошлому. Помимо этого, надо принять во вниманіе и слѣдующее. Историческая Россія, т. е. Единая и Великая Россія, въ разныя историческія эпохи приходила въ столкновеніе съ тѣми двумя главными великими державами Европы, въ союзѣ съ которыми мы вели войну противъ Германіи, пока вели ее. Въ XIX вѣкѣ мы имѣли дважды военныя столкновенія съ Франціей и однажды съ Англіей.

Эти прошлыя столкновѣнія, часто весьма свѣжія, какъ соперничество Англіи и Россіи на Востокѣ, все-таки оставили нѣкоторый слѣдъ въ общественномъ сознаніи западныхъ странъ. Не надо забывать также, что въ прошломъ, въ эпохи, когда ни Франція ни Англія не были нашими союзницами, насъ раздѣлялъ „польскій вопросъ“, являвшійся тяжкимъ наслѣдіемъ всей многовѣковой русской исторіи. Въ „польскомъ вопросѣ“ западноевропейское общественное мнѣніе было всегда противъ исторической Россіи. Это, конечно, оставило свой слѣдъ. Всю огромную историческую сложность польскаго вопроса для Россіи, понятную для насъ, знающихъ свою исторію, на союзномъ западѣ почти никто никогда не понималъ и не понимаетъ. Наконецъ — и это самое важное — Россія, какъ Великая Держава, созданная всѣмъ русскимъ народомъ, отождествлялась съ извѣстной политической формой и даже уже, съ извѣстнымъ политическимъ строемъ, съ неограниченной монархіей, съ тѣмъ, что принято называть на западѣ французскимъ терминомъ „царизмъ“. Исконная враждебность западныхъ демократическихъ элементовъ противъ „царизма“ очень легко и быстро, съ крушеніемъ и разрушеніемъ Россійскаго Государства перенеслась на Россію, какъ Великую Державу. Эти круги разсуждали такъ: паденіе Россіи есть паденіе царизма, и принимали этотъ фактъ за положительный. Мы русскіе, многіе, по крайней мѣрѣ, разсуждали прямо обратно. Поскольку крушеніе монархіи для русскихъ означало крушеніе и самой Россіи, многіе образованные русскіе, не бывшіе монархистами, стали монархистами изъ русскаго патріотизма. И, конечно, съ точки зрѣнія русскаго патріотизма это было единственное правильное разсужденіе. Но не такъ разсуждали иностранцы; многіе изъ нихъ прямо заключили, что разъ палъ не одобряемый ими „царизмъ“, то, значитъ, пала и Россія. Этому содѣйствовали тѣ инородческіе элементы, которые якобы боролись за *русскую* революцію, но когда эта революція разрушила Россію, весьма быстро и развязно отвернулись отъ Россіи, ставъ самыми яркими проповѣдниками или, если угодно, самыми усердными коммивояжерами германской идеи расчлененія Россіи, положенной въ основу брестъ-литовскаго мира. Всѣ хорошо знаютъ имена этихъ борцовъ за русскую револю-

цію, которые, ставъ дѣятелями расчлененія Россіи, тѣмъ сильнѣе обличили историческую сущность самой революціи.

Съ другой стороны, пока продолжалась война, еще не вскрылись внутреннія противорѣчія между фактомъ войны, ея подлинными *государственными* и національными мотивами для разныхъ странъ, и той идеологіей, которая была создана въ процессѣ войны, какъ психологическая къ ней *приправа*, какъ своего рода „доппингъ“. Западъ самъ страдаетъ этимъ противорѣчіемъ, заключеннымъ въ міровой войнѣ. Міровая война была коалиціей великихъ и малыхъ державъ противъ Германіи и ея замысловъ мірового владычества, но по мѣрѣ того, какъ затягивалась война, и въ нее вовлекались все большія и большія массы, отъ которыхъ требовались все большія и большія жертвы, выдвигалась особая демократическая идеологія, въ силу которой Германія, несмотря на ея демократическое избирательное право, на ея могущественную социалистическую партію, которая поддерживала правительство въ теченіе всей войны до ея рокового для Германіи исхода,— съ ея сильной монархической властью, была провозглашена врагомъ міровой демократіи, которая борется за осуществленіе своего демократическаго идеала. Рядомъ съ этимъ провозглашенъ былъ принципъ самоопредѣленія народностей. Эта демократическая идеологія обратилась противъ тѣхъ государствъ и народовъ, которые оказались побѣжденными въ міровой войнѣ. Версальскій миръ съ его дополненіемъ есть итогъ двухъ тенденцій; онъ — сложная амальгама національныхъ стремленій всѣхъ державъ-побѣдительницъ съ „вильсонизмомъ“, съ „Лигой Націй“ и вообще съ той идеологіей войны, которая въ сущности создалась послѣ начала войны, и съ національно-государственными стремленіями державъ, начавшихъ войну, имѣеть мало общаго. Въ результатъ всѣ выгодныя слѣдствія демократическихъ началъ идутъ въ пользу побѣдителей и ихъ союзниковъ, а всѣ невыгодныя обращаются противъ побѣжденныхъ державъ и ихъ союзниковъ. Это нормально, но лишь до извѣстной степени, лишь поскольку невыгодныя слѣдствія вытекаютъ изъ неотмѣнимаго факта побѣды въ міровой войнѣ опредѣленной группы дер-

жавъ. Этотъ реальный фактъ, а не какая-либо идеологія долженъ опредѣлять собою слѣдствія войны.

Постановка „русскаго вопроса“ на западѣ сложилась подъ вліяніемъ указанныхъ выше внутреннихъ противорѣчій міровой войны. Ея идеологія, чуждая ея національно-государственному существу, въ значительной мѣрѣ опредѣлила собой то, что Россія попала какъ-бы въ разрядъ побѣжденныхъ странъ. Между тѣмъ, если Россія кѣмъ-нибудь и чѣмъ-нибудь побѣждена, то она побѣждена Германіей при помощи русской революціи и поскольку побѣдила въ міровой войнѣ не Германія, а союзники исторической Россіи, трактованіе послѣдней, какъ побѣжденной страны, есть великая и опасная бессмыслица. Поскольку такое трактованіе вытекаетъ изъ демократической идеологіи войны, мы, русскіе, какъ русскіе, отвергаемъ эту идеологію и боремся съ ней. Поэтому мы отвергаемъ чьи-либо программныя притязанія, предъявляемыя къ Россіи, и иностранную помощь, оказываемую намъ въ борьбѣ съ мировымъ зломъ большевизма, мы понимаемъ и принимаемъ — не какъ вмѣшательство иностранцевъ въ наши внутреннія дѣла. Съ нашей точки зрѣнія единственно правильная постановка „русскаго вопроса“ передъ союзниками такова:

Союзники сами заинтересованы въ нашей борьбѣ съ большевизмомъ, ибо большевизмъ есть существенный эпизодъ самой міровой войны.

Во 1-хъ. Созданіе Германіи и германской пропаганды, признанная Германіей разрушительная сила, большевизмъ есть міровая опасность, опасность для всѣхъ странъ, находившихся съ нами въ союзѣ противъ Германіи. Во 2-хъ — наши союзники заинтересованы въ возстановленіи Россіи, въ ея старой мощи, ибо такая сильная, Единая и Великая Россія есть существенный элементъ мірового равновѣсія, безъ котораго удержаніе важнѣйшихъ результатовъ міровой войны и сохраненіе мира прямо таки невозможно.

Повидимому, это обоснованіе необходимости поддержки противобольшевистскихъ силъ Россіи и главной силы, той подлинной и коренной патріотической Россіи, которая родила изъ себя Добровольческую Армію, просто логически неотразимо и политически неопровержимо.

Но если державы-побѣдительницы, наши союзницы, лишь медленно и постепенно приходили къ пониманію русскаго вопроса, то это объясняется не только тѣми историческими и психологическими причинами, которыхъ я уже касался. Это объясняется еще тѣмъ, что державы-побѣдительницы сами испытываютъ внутренній кризисъ, который есть слѣдствіе войны и русской революціи.

Міровая война не даромъ имѣла демократическую идеологию. Страшно напрягши экономическія силы всѣхъ странъ, участвовавшихъ въ войнѣ, она вызвала на сцену новыя силы или, по крайней мѣрѣ, въ огромной степени усилила нѣкоторыя прежнія. Въ веденіи этой войны государства, какъ никогда прежде, апеллировали къ народнымъ массамъ. Это была, по самому характеру своему, народная и демократическая война и потому то она частично закончилась рядомъ революцій.

Это демократическое существо міровой войны и демократическій фундаментъ ведшаго ее милитаризма объясняютъ тотъ внутренній кризисъ, который переживаютъ не только побѣжденные страны, Германія и распавшаяся въ результатъ войны Австрія, но и державы — побѣдительницы. Къ этой основной причинѣ присоединился огромный по своему психологическому значенію фактъ русской большевистской революціи.

Во время войны и въ силу войны народныя массы и, въ частности, социалистически настроенныя массы почувствовали свою силу. И вотъ, когда произошла русская революція, сразу принявшая крайній демократическій и социалистическій характеръ, это событіе имѣло крупное значеніе для психологіи западноевропейскихъ народныхъ массъ. Пока длилась война, въ социалистически-настроенныхъ массахъ запада держалась извѣстная государственная дисциплина, подкрѣпленная демократической идеологіей, какъ своего рода допингомъ. Но когда война кончилась, кончилась пораженіемъ Германіи и крушеніемъ и въ ней монархіи, не стало надобности въ прежней государственной дисциплинѣ. Съ другой стороны, русская революція, по причинамъ, въ которыхъ западные люди вообще не могли отдать себѣ отчета, ока-

залась эпизодомъ не на недѣли, не на мѣсяцы, а на годы. Западныя люди въ массѣ не способны были, да и сейчасъ неспособны понять, что господство большевиковъ объясняется незрѣлостью русскихъ массъ, культурной отсталостью страны. Никакого реального представленія о русскомъ большевизмѣ у западноевропейскихъ массъ нѣтъ; они знаютъ только, или вѣрнѣе мнятъ себѣ, что знаютъ, что большевизмъ есть осуществленіе того социализма и того господства рабочаго класса, о которомъ они слышали такъ много умныхъ рѣчей, вѣщихъ прорицаній и соблазнительныхъ посуловъ. Отсюда — крайняя идеализація русскаго большевизма въ широкихъ кругахъ западноевропейской рабочей среды, идеализація, если угодно, дѣтская, но именно потому пока что непобѣдимая доводами разума, ни уроками исторіи, данными гдѣ то далеко, въ этой невѣдомой и непонятной Россіи. Съ другой стороны, социалистическія партіи и организаціи запада (не всѣ, но нѣкоторыя, и въ нѣкоторыхъ странахъ самыя вліятельныя) сознательно, вопреки разуму и очевидности, идеализируютъ большевизмъ, такъ какъ ссылка на русскій примѣръ и борьба со своими правительствами изъ за русскаго вопроса есть главное демагогическое оружіе въ рукахъ западноевропейскихъ социалистическихъ партій.

Такъ возникла проблема большевизма на западѣ.

Имѣетъ ли большевизмъ шансы на западѣ?

Этотъ вопросъ я попытаюсь освѣтить совершенно объективно на основаніи своего знанія социальной исторіи запада и своихъ личныхъ впечатлѣній и наблюденій.

Прежде всего *бытовой основой* большевизма, такъ ярко проявившейся въ русской революціи, является комбинація двухъ могущественныхъ массовыхъ тенденцій: стремленія каждаго отдѣльнаго индивида изъ трудящихся массъ работать возможно меньше и получать возможно больше и 2) стремленія массовымъ коллективнымъ дѣйствіемъ, не останавливающимся ни передъ какими средствами, осуществить этотъ результатъ и въ то же время избавить индивида отъ пагубныхъ послѣдствій такого поведенія. Именно комбинація этихъ двухъ тенденцій есть явленіе современное, ибо стремленіе работать меньше и получать возможно больше существовало

всегда, но всегда оно подавлялось непосредственнымъ наступленіемъ пагубныхъ послѣдствій для индивида отъ такого поведенія. Эту комбинацію двухъ тенденцій можно назвать *стихійнымъ экономическимъ или бытовымъ большевизмомъ*. Этотъ стихійный большевизмъ несомнѣнно широко расцвѣлъ на западѣ послѣ окончанія войны и онъ уже далъ свои плоды и тамъ, сказавшись въ паденіи производительности труда и производства. Но большевизмъ, какъ онъ обнаружился въ Россіи, есть не только это, а цѣлое политическое и социальное-политическое движеніе, опирающееся на указанные двѣ могущественныя массовыя тенденціи и стремящееся, опираясь на нихъ, организовать социалистическій строй при помощи захвата государственной власти. Большевизмъ есть комбинація массоваго стремленія осуществить то, что одинъ социалистъ, Лафергъ, назвалъ „правомъ на лѣнъ“, съ диктатурой пролетаріата. Эта комбинація именно и осуществилась въ Россіи, и въ осуществленіи ея состояло торжество большевизма, пережитое нами.

Возможенъ ли въ этомъ смыслѣ большевизмъ на западѣ ?

Я на этотъ вопросъ даю категорическій отвѣтъ: нѣтъ, невозможенъ. Соціальное строеніе запада и его культурный уровень совершенно несовмѣстимы съ большевизмомъ въ этомъ смыслѣ.

Что это значитъ ?

А значитъ это, что всякая попытка въ большевистскомъ смыслѣ встрѣтитъ такое сопротивление и во всей буржуазии запада, и въ значительной части его трудящихся массъ, какого она не встрѣтила въ Россіи.

Въ сущности опытъ уже продѣланъ въ одной странѣ, которая исходомъ войны была особенно подготовлена къ большевизму, а именно въ Германіи. Въ ней большевистскія попытки потерпѣли полное пораженіе. И это неслучайно, такъ же, какъ неслучайно, что изъ всей Западной Европы большевизмъ продержался нѣкоторое время только въ Венгріи, экономически и культурно самой отсталой западно-европейской странѣ.

Перейдемъ къ другимъ странамъ, Англии и Франціи.

Въ Англіи особенныя условія ея политическаго развитія привели къ тому, что только недавно рабочія массы стали самостоятельно, съ своей особой политической фізіономіей, принимать участіе въ политической жизни страны. Это обусловливаетъ извѣстную неподготовленность и наивность англійскаго рабочаго класса въ большихъ вопросахъ политической и соціальной жизни. Такая неподготовленность создаетъ, казалось бы, возможность непродуманныхъ выступленій и рискованныхъ шаговъ со стороны рабочаго класса и его отдѣльныхъ группъ. Но, будучи не подготовленъ къ широкой политической жизни и борьбѣ, англійскій рабочій классъ включаетъ въ себя элементы, чрезвычайно опытные въ веденіи дѣловой борьбы съ предпринимателями за улучшение условій труда. Эти элементы разсматриваютъ классовую борьбу не какъ борьбу политическую, а какъ дѣловое состязаніе реальныхъ экономическихъ силъ. Къ политическимъ вопросамъ и къ необоснованнымъ экономическимъ выступленіямъ, къ борьбѣ ради борьбы, они относятся отрицательно. Они привыкли организовывать и дѣйствовать организованно въ дѣловыхъ профессиональныхъ союзахъ, въ трэдъ-юніонахъ. Соотвѣтственно этимъ двумъ противоположнымъ чертамъ англійскаго рабочаго класса, въ немъ борются двѣ тенденціи: наивно-боевая и обдуманно-дѣловая.

Какая же изъ этихъ двухъ тенденцій возобладаетъ въ ближайшее время?

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что наивно-боевая тенденція въ послѣднее время все усиливалась. Она привела къ цѣлому ряду стачекъ, чрезвычайно необдуманныхъ. Эти рѣзкія выступленія кончились полнымъ пораженіемъ рабочихъ, причемъ желѣзнодорожная забастовка, какъ особенно затрагивающая интересы всего государства, вызвала рѣшительное и организованное сопротивленіе со стороны правительства и буржуазіи и объ это сопротивленіе разбились. Кромѣ того, тутъ обнаружилось то, что мы, экономисты, понимали и знали давно, а именно, что рабочій классъ есть собирательное понятіе, въ сущности объемлющее различныя группы съ разными интересами. Поскольку рабочій классъ дѣйствительно сознателенъ, а не одурманенъ общими мѣстами

и лозунгами, выступленія отдѣльныхъ группъ, затрагивающія интересы всего народнаго хозяйства, должны въ другихъ группахъ того же рабочаго класса вызывать рѣшительный отпоръ. Поэтому всеобщая забастовка или, хотя бы, всеобщая желѣзнодорожная забастовка есть экспериментъ, чрезвычайно рискованный въ экономически и культурно развитой странѣ. Недавнія неудачныя рабочія выступленія, произведенныя по подстрекательству крайнихъ элементовъ, весьма дискредитировали послѣдніе. Мы можемъ теперь сказать про Англію, что въ ней первые опыты рабочихъ выступленій въ близкомъ къ большевизму направленіи потерпѣли неудачу, обусловленную рѣшительнымъ сопротивленіемъ государства, буржуазіи и значительныхъ элементовъ самого рабочаго класса. Такимъ образомъ, въ Англіи возможенъ большевистскій уклонъ рабочаго движенія, но невозможенъ большевизмъ въ русскомъ смыслѣ.

Во Франціи политическія традиціи рабочаго класса и въ особенности соціалистической партіи предрасполагають къ большевизму. Идея захвата власти рабочимъ классомъ и насильственнаго введенія соціализма есть идея французскаго происхожденія. Но во Франціи рабочій классъ малочисленнѣе, чѣмъ въ Англіи. Преобладающую роль во Франціи играетъ крестьянство, т. е. сельская буржуазія, и мелкая городская буржуазія. Эти классы въ подавляющемъ своемъ большинствѣ враждебны соціализму и въ особенности враждебны ему въ его насильнической большевистской формѣ. По психологіи французскаго рабочаго класса большевистскія вспышки чисто политическаго характера во Франціи болѣе возможны, чѣмъ въ Англіи, но всякая такая вспышка вызоветъ не просто реакцію, а *прямое и непосредственное* сопротивленіе. Крестьянство и городская буржуазія во Франціи ни на одну минуту не потерпятъ соціалистическаго засилія. Въ случаѣ какихъ либо настоящихъ большевистскихъ выступленій во Франціи ружья сами начнутъ стрѣлять.

Вотъ соображенія, основанныя на анализѣ западноевропейской дѣйствительности, которыя приводятъ меня къ категорическому выводу: большевизмъ въ русской формѣ на западѣ невозможенъ.

Тѣмъ не менѣе русская социалистическая революція имѣетъ очень крупное значеніе для запада. Это—первая въ міровой исторіи социалистическая революція, первый опытъ осуществленія социализма въ широкомъ масштабѣ, т. е. какъ цѣлостной системы, проводимой велѣніемъ власти. Передъ міровой войной на западѣ явственно обозначилось явленіе, которое нельзя опредѣлить иначе, какъ кризисъ социализма, и которое я именно и охарактеризовалъ въ свое время этимъ терминомъ. Т. н. научный социализмъ Маркса, или марксизмъ, утверждалъ, что социализмъ придетъ, какъ планомѣрная организація, обобществленіе или социализація производства, на основѣ захвата государственной власти пролетаріатомъ, т. е. на основѣ политической революціи. Кризисъ социализма и его идеи начался, какъ я уже сказалъ, задолго до войны и начался онъ съ двухъ концовъ. Съ одной стороны, методъ политической парламентской борьбы, которую, какъ подготовку къ захвату власти, примѣняла и проповѣдывала социаль-демократія, былъ подвергнутъ сомнѣнію и отвергнутъ т. н. синдикализмомъ, выдвинувшимъ вмѣсто этого такъ называемое „прямое“ и по преимуществу экономическое дѣйствіе въ формѣ стачечной и иной борьбы. Противъ революціоннаго политизма правовѣрной марксистской социаль-демократіи этотъ синдикализмъ, выросшій на почвѣ анархическихъ идей, выдвинулъ революціонный экономизмъ. Какъ-то въ формѣ экономическихъ бунтовъ должно было быть произведено преобразование капиталистическаго общества въ новую форму. Рядомъ съ этимъ, въ самой марксистской социаль-демократіи стало происходить раздѣленіе: часть социаль-демократовъ перестала вѣрить въ захватъ власти, въ политическую революцію, въ диктатуру пролетаріата, какъ методъ осуществленія социализма. Революціонное пониманіе социализма стало вытѣсняться эволюціоннымъ.

Такъ съ двухъ сторонъ идея социализма, какъ цѣлостной и продуманной, исторически-обоснованной системы, подтачивалась.

Въ этотъ процессъ вклинилась міровая война и русская революція.

Міровая война, какъ я уже сказалъ, выдвинула на аван-

сцену широкія народныя массы и въ то же время заставила государство примѣнить въ небывалыхъ размѣрахъ тотъ принципъ государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь, доведеніе котораго до конца и составляетъ социализмъ. А русская революція, казалось, давала опытъ осуществленія социализма въ рамкахъ одного изъ величайшихъ государствъ.

Но мы знаемъ теперь, что большевизмъ есть и крушеніе социализма. Въ большевизмѣ столкнулись двѣ идеи, двѣ стороны социализма, и это столкновеніе на опытѣ обнаружило невозможность социализма, какъ онъ мыслился до сихъ поръ, т. е. какъ цѣлостнаго построенія.

Социализмъ требуетъ, во 1-хъ, *равенства* людей (эгалитарный принципъ). Социализмъ требуетъ, во 2-хъ, организациі всего народнаго хозяйства и, въ частности, процесса производства.

Социализмъ требуетъ и того, и другого, и одного—во имя другого. Но оба эти начала въ своемъ полномъ или конечномъ осуществленіи противорѣчатъ человѣческой природѣ и оба они, что быть можетъ еще несомнѣннѣе и еще важнѣе, противорѣчатъ другъ другу. На основѣ равенства людей вы не можете организовать производства. Ростъ производительныхъ силъ есть теоретическая и практическая альфа и омега марксизма, этой основы научнаго социализма.

Социализмъ—учить марксизмъ—требуетъ роста производительныхъ силъ. Социализмъ—учить опытъ русской революціи—несовмѣстимъ съ ростомъ производительныхъ силъ, болѣе того, онъ означаетъ ихъ упадокъ.

Русская революція потому имѣетъ всемірно-историческое значеніе, что она есть практическое опроверженіе социализма, въ его подлинномъ смыслѣ ученія объ организациі производства на основѣ равенства людей, есть опроверженіе эгалитарнаго социализма. На этой основѣ не только нельзя повысить производительныхъ силъ общества, она означаетъ роковымъ образомъ ихъ упадокъ. Ибо эгалитарный социализмъ есть отрицаніе двухъ основныхъ началъ, на которыхъ зиждется всякое развивающееся общество: идеи отвѣтственности лица за свое поведеніе вообще и экономическое поведеніе

въ частности, и идеи расцѣпки людей по ихъ личной годности, въ частности по ихъ экономической годности. Хозяйственной санкціей и фундаментомъ этихъ двухъ началъ всякаго движущагося впередъ общества является институтъ частной, или личной собственности.

На русской революціи оправдалась идея одного изъ величайшихъ умовъ Россіи, одинокаго Чаадаева: „Мы какъ будто живемъ для того, чтобы дать какой-то великій урокъ человѣчеству“. Мы въ нашей социалистической революціи дали такой великій урокъ: *опытное опроверженіе социализма*.

Оглядываясь назадъ, на все то, что служило предметомъ моей настоящей бесѣды съ Вами, я думаю, что я могу и долженъ сдѣлать слѣдующій выводъ.

Революція 1917 г. есть великое крушеніе нашего государства. Русская революція есть эпизодъ міровой войны. Такъ какъ преодолѣніе революціи еще не завершилось, то для насъ міровая война еще не кончилась.

Мы потерпѣли крушеніе государства отъ недостатка національнаго сознанія въ интеллигенціи и въ народѣ. Мы жили такъ долго подъ щитомъ крѣпчайшей государственности, что мы перестали чувствовать и эту государственность и нашу отвѣтственность за нее. Мы потеряли чувство государственности и не нажили себѣ національнаго чувства. Вотъ почему исторія вернула насъ въ новой формѣ къ задачамъ, которыя, казалось, были разрѣшены навсегда нашими предками. Единственное спасеніе для насъ—въ возстановленіи государства черезъ возрожденіе національнаго сознанія. Послѣ того, какъ толпы людей метались въ дикой погонѣ за своимъ личнымъ благополучіемъ и въ этой погонѣ разрушали историческое достояніе предковъ, намъ ничего не остается, какъ сплотиться во имя государственной и національной идеи. Россію погубила безнациональность интеллигенціи, единственный въ міровой исторіи случай забвенія національной идеи мозгомъ націи.

Русскій націонализмъ не можетъ рассчитывать на то, что западъ и его общественное мнѣніе легко поймутъ неотвратимость развитія національнаго сознанія въ Россіи, необходимость завоеванія Россіи идеей націонализма. Для запада работа этой

новой въ Россіи духовной силы долго будетъ казаться простой реставраціей стараго порядка и стараго духа. Но это не такъ или, вѣрнѣе, не такъ просто. Русскій народъ былъ великимъ государственнымъ народомъ, но величіе его стихійнаго государственнаго творчества погасило или, вѣрнѣе, не дало развиться въ немъ, въ его образованномъ классѣ живому національному сознанию. Ужасныя испытанія, черезъ которыя проходитъ русское сознание, великій кризисъ, который мы переживаемъ и который есть въ то же время кризисъ такого мірового явленія, какъ социализмъ, дѣлаютъ тѣ событія свидѣтелями, участниками и жертвами которыхъ мы являемся, страшной огненной пещью. Изъ этой пещи должны выйти люди, обновленные несказанными страданіями.

Лѣтомъ 1919 года я посѣщаль опустошенныя мѣстности Франціи. Я видѣлъ города, обращенные не просто въ развалины, а въ груды камней. Когда я взобрался на одну такую грудку, составленную изъ камней и каменной пыли, мнѣ сказали, что это кафедральный соборъ города Ланса. Но и во время созерцанія этихъ ужасныхъ матеріальныхъ разрушеній на чужбинѣ я не могъ отдѣлаться отъ мыслей о Россіи. Я думалъ о томъ, что духовныя нравственныя опустошенія, произведенныя „русскимъ бунтомъ, безсмысленнымъ и безпощаднымъ“ на моей родинѣ превосходятъ по своей глубинѣ и пагубности всѣ физическія опустошенія, перенесенныя другими странами. Я думалъ о томъ, что мы, русскіе, должны не выстраивать новые города на мѣстѣ прежнихъ, а совершить нѣчто гораздо болѣе трудное и великое: возсоздать разрушенную храмину народнаго духа, воскресить поверженный и поруганный образъ родины-матери, выношенный въ душахъ безчисленныхъ поколѣній благочестивыхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи. Но мы, люди всѣхъ возрастовъ, повинны сдѣлать это, чего бы то ни стоило. Это нашъ долгъ и передъ нашими предками и передъ нашимъ потомствомъ.

II. Новая жизнь и старая мощь.

(Историческій смысл русской революціи*).

Русская революція есть великая историческая проблема, я бы сказалъ, почти — загадка. Въ самомъ дѣлѣ: народъ, который создалъ огромное и могущественное государство и, при посредствѣ этого государства, — великую, богатую и многостороннюю культуру, объятый какимъ то навожденіемъ, въ кратчайшее время разрушилъ самъ это великое государство — ради преходящихъ выгодъ и призрачныхъ благъ. Народъ, давшій Петра Великаго, величайшій индивидуальный геній государственности, поддался соблазну разрушенія государства, глашатаями котораго явились множество слабыхъ, бездарныхъ, безличныхъ, безнравственныхъ людей, выдвинувшихся въ вожди не потому, что ихъ выносила собственная крупная личность, а именно потому, что, по своей безличности, они безъ конца льстили толпѣ и ее ублажали.

Русская революція, говорю я, загадка.

Государственное самоубійство государственнаго народа.

Эту загадку, однако, предчувствовали многіе люди самыхъ различныхъ направленій, и притомъ не только русскіе. Въ литературѣ, въ особенности второй половины XIX вѣка, можно найти множество предчувствій, что въ Россіи когда нибудь произойдетъ не просто политическая революція, а цѣлая социальная и культурная катастрофа. Самый извѣстный примѣръ такихъ предчувствій это — замѣчательная литературная переписка знаменитаго французскаго историка-художника Мишле съ нашимъ безподобнымъ, во многихъ отношеніяхъ, художникомъ-публицистомъ Герценомъ. Мишле съ ужасомъ отвращается отъ видѣнія русской революціи, которая рисовалась ему, какъ „страшное зрѣлище демагогіи безъ чувства, безъ мысли, безъ принциповъ“. Герценъ въ то время идеализировалъ и русскій народъ и русскую интеллигенцію, и грядущая всесторонняя русская революція представлялась

*) Въ основу этой статьи, какъ и предыдущей, легла публичная лекція, прочитанная въ Ростовѣ н/Д. въ ноябрѣ 1919 г. Исключены лишь мѣста, вслѣдствіе новыхъ событій утратившія значеніе. П. С.

ему, какъ величайшее достиженіе русскаго и вселенскаго духа, абсолютно независимаго и свободнаго.

Но и въ наше время были предчувствія и предсказанія русской революціи, не просто какъ политической революціи, а какъ цѣлой соціальной и государственной катастрофы. Характерно, что Германія, которой въ русской революціи принадлежала, внѣ всякаго сомнѣнія, роль режиссера, точнѣе роль полицейскаго устроителя и финансирующей силы, создала, до русской революціи, цѣлую литературу о ней въ связи съ государственнымъ банкротствомъ Россіи. Это были *теоретическіе* проекты того разрушенія Россіи, за которое въ міровую войну Германія взялась *практически*. Но были предчувствія грядущаго и съ противоположной стороны. Я не могу отдѣлаться отъ того впечатлѣнія, которое я выносилъ изъ неоднократныхъ бесѣдъ съ покойнымъ П. А. Столыпинымъ: у него было какое то предчувствіе русской революціи именно въ той катастрофической формѣ, въ которую она осуществилась. Съ другой стороны, одинъ русскій публицистъ совершенно другого лагеря, чѣмъ Столыпинъ, но хорошо его понимавшій, неоднократно развивалъ въ бесѣдѣ со мной починаніе русской революціи, именно какъ катастрофы, государственной и культурной.

Чѣмъ же объясняется эта историческая загадка, которую многіе предвидѣли, или, вѣрнѣе, предчувствовали?

Этотъ сложный вопросъ можетъ быть разъясненъ только обращеніемъ къ исторіи: подобная катастрофа не можетъ не корениться глубоко въ историческомъ развитіи всего русскаго народа и его власти.

Россія переживаетъ въ началѣ XX вѣка глубочайшее потрясеніе, и взоры наши естественно обращаются за триста лѣтъ назадъ, въ эпоху первой великой русской смуты, которая предшествовала воцаренію дома Романовыхъ.

Чѣмъ была вызвана эта смута? Съ одной стороны, смѣна угасшей династіи новой, появленіе которой на сценѣ было одновременно основано на трехъ фактахъ: на родствѣ или свойствѣ съ прежней, на выслугѣ или заслугахъ и на избраніи земскимъ соборомъ и московской толпой. Смѣна династіи сама по себѣ прошла вполнѣ спокойно. Но въ смутѣ

была заинтересована иностранная держава, Польша. И еще не успѣлъ Борисъ Годуновъ сойти со сцены, какъ открылся претендентъ и началась смута, состоявшая въ томъ, что претендентъ, опираясь на интересъ и содѣйствіе Польши, сталъ искать престола и ради этого организовывать преданную ему вооруженную силу, устраивая бунты противъ той власти, которую онъ стремился свергнуть.

Въ смутѣ XVII вѣка, такимъ образомъ, важную, если не основную, роль играла иностранная интрига, которой государственно и культурно слабая Русь не смогла сразу противопоставить крѣпкаго національнаго сопротивленія. Словомъ, смута была событіемъ или процессомъ не только внутренней жизни Россіи, но и вытекла изъ ея международнаго положенія. Въ смутѣ XVII в. есть удивительно много чертъ, сходныхъ съ современными событіями: то же духовное шатаніе не только народныхъ массъ, но и высшихъ классовъ, то же использование чужеземцами внутренней борьбы. Смута была продолженіемъ тѣхъ политическихъ и социальныхъ процессовъ, которыми слагалось Московское Государство. Смуту поддерживали честолюбивыя притязанія боярскихъ семей, которыя мѣшали утвердиться признанной династіи; смуту питали грабительскія стремленія служилыхъ людей и анархическія тенденціи народныхъ массъ. Такъ же, какъ въ наше время, поразительно въ смутѣ XVI — XVII в. отсутствіе нравственной твердости и подлиннаго патриотизма въ высшихъ классахъ, слабость національнаго сознанія въ классахъ среднихъ, анархическая настроенность народныхъ массъ. Только въ силу этихъ свойствъ было возможно столь легкое низверженіе двухъ законныхъ династій Годуновыхъ и Шуйскихъ и постыдная исторія поддержки нѣсколькихъ самозванцевъ не только темными народными массами, но и представителями такихъ классовъ, какъ боярство, дворянство и духовенство. Глубину нравственнаго паденія высшихъ классовъ рисуютъ такіе факты, какъ признаніе царицей Маріей Нагихъ самозванца за своего убитаго сына, какъ признаніе Тушинскаго вора отцомъ будущаго основателя династіи Романовыхъ митрополитомъ ростовскимъ Филаретомъ, который за это былъ нареченъ патриархомъ. Государственную безпринципность высшихъ клас-

совъ обличаетъ напр. тотъ фактъ, что изъ вражды къ царю Василию Шуйскому путивльскій воевода князь Григорій Шаховской поднялъ чисто большевистское народное возстаніе противъ царя во имя самозванца. Вотъ какъ историкъ характеризуетъ это движеніе: „предводители отрядовъ, руководимые княземъ Шаховскимъ, начали возмущать... крестьянъ противъ помѣщиковъ, подчиненныхъ противъ начальствующихъ, безродныхъ противъ родовитыхъ, мелкихъ противъ большихъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ. Все дѣлалось именемъ Дмитрія. Въ городахъ заволновались посадскіе люди, въ уѣздахъ крестьяне; поднялись стрѣльцы и казаки. У дворянъ и дѣтей боярскихъ зашевелилась зависть къ высшимъ сословіямъ — стольникамъ, окольничимъ, боярамъ; у мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ — къ богатымъ гостямъ. Пошла проповѣдь вольницы и словомъ и дѣломъ: воеводъ и дьяковъ вязали и отправляли въ Путивль; холопы разоряли дома господъ, дѣлили между собою ихъ имущество, убивали мужчинъ женщинъ насиловали, дѣвицъ растлѣвали“. (Костомаровъ). Это то движеніе, которое связано съ именемъ Болотникова. „Вы всѣ боярскіе холопы — говорилось имъ, — побивайте своихъ бояръ, берите себѣ ихъ женъ и все достояніе — помѣстья и вотчины. Вы будете людьми знатными; и вы, которыхъ называли шпынями и безыменными, убивайте гостей и торговыхъ богатыхъ людей, дѣлите между собою ихъ животы. Вы были послѣдніе — теперь получите боярство, окольничества, воеводства. Цѣлуйте всѣ крестъ законному Государю Дмитрію Ивановичу.“

Россия была спасена отъ смуты тѣмъ, что противъ смуты, наконецъ, организовалось національное движеніе. Это было движеніе противъ смуты и иноземнаго врага, каковымъ тогда были поляки, явившіеся въ значительной мѣрѣ творцами самой смуты. Есть даже историки, которые думаютъ, что *главный* источникъ смуты слѣдуетъ искать именно не внутри, а во внѣ, въ стремленіяхъ католической церкви овладѣть духовно русскимъ народомъ и въ стремленіи польскаго государства — подчинить себѣ политически Московское Государство.

Кто же совладалъ со смутой, кто возстановилъ государство?

Историки-народники, какъ столь различные и спорившіе между собой Костомаровъ и Забѣлинъ, думаютъ, что эту задачу разрѣшили сами народныя массы, „народная громада“, какъ выражается Костомаровъ, „народъ — сирота“, какъ говоритъ Забѣлинъ. Теперь, послѣ замѣчательнаго изслѣдованія С. Ф. Платонова, этого народническаго идеализма не приходится опровергать *Россію отъ смуты спасло національное движеніе, исходившее отъ среднихъ классовъ, средняго дворянства и посадскихъ людей и вдохновляемое духовенствомъ, единственной въ ту пору интеллигенціей страны.*

Выразителями этого національнаго движенія среднихъ классовъ были историческія фигуры Прокопія Ляпунова, князя Димитрія Пожарскаго и Кузьмы Минина.

Любопытно само собой напрашивающееся сравненіе Добровольческой Арміи съ Нижегородскимъ Ополченіемъ. Ядромъ Нижегородскаго Ополченія явились бѣженцы, смоленскіе дворяне, изгнанные изъ своей родины поляками и нашедшіе себѣ пріютъ въ нижегородской землѣ, подобно тому, какъ ядромъ Добровольческой Арміи явились бѣженцы-офицеры, нашедшіе себѣ пріютъ въ Донской Области и на Кубани. И то, что старый лѣтописецъ говоритъ о кн. Пожарскомъ и Мининѣ, всецѣло примѣнимо къ Корнилову и Алексѣеву: „положили они упованіе на Бога и утѣшили себя воспоминаніями, какъ издревлѣ Богъ поражалъ малыми людьми множество сильныхъ“. Аналогіи между той эпохой и нашей, повторяю, поразительны. Развѣ эпопея Скоропадскаго не воспроизвела призванія королевича Владислава, которое также диктовалось не одними своекорыстными мотивами, а въ извѣстной мѣрѣ государственными побужденіями? Развѣ въ то время не замѣчалось признаковъ разложенія и распада государства, совершенно аналогичнаго тому, что переживаемъ мы. Но Московское Государство спасло національное чувство русскаго человѣка, въ ту эпоху, какъ и теперь, неразрывно связанное съ вѣрой и церковью. „Нельзя сказать, говоритъ одинъ историкъ, — что больше поднимало русскій народъ — страхъ ли польскихъ насилій надъ своими тѣлами и „животами“, или страхъ за вѣру — и то, и другое соединялось вмѣстѣ, тѣмъ болѣе, что тѣ, которые не уважали вѣры, по народному по-

нѣтію, само собою не могли быть справедливы и милостивы къ православнымъ людямъ*.

Итакъ, Россію спасло, повторяю, національное движеніе среднихъ классовъ, руководимое идеальными мотивами охраны вѣры и церкви и спасенія государства.

Расшатавъ государство, смута не произвела никакого соціального переворота и въ этомъ смыслѣ не была вовсе революціей. Анархически-большевистское содержаніе исчезло, не оставивъ никакого слѣда въ учрежденіяхъ. Но смута, въ которой высшій классъ, боярство, не разъ измѣнялъ власти и государству, довершила превращеніе этого класса въ высшій разрядъ всецѣло подчиненнаго монархической власти служилого сословія. До Василія III и Ивана Грознаго государствомъ правили царь и боярская дума. При Василіи III и Иванѣ Грозномъ было откровенное самодержавіе, особенно подчеркнутое у Грознаго Царя. Послѣ смуты рядомъ съ царемъ стала земля во образѣ земскихъ соборовъ. Но сведя боярство съ той высоты, на которой оно стояло прежде, смута не упрочила настоящимъ образомъ участія земли въ государственномъ строительствѣ и не устранила созданнаго Василіемъ III и Иваномъ Грознымъ монархическаго самодержавія. Нравственное и политическое крушеніе боярства въ смутѣ фактически оказалось крушеніемъ идеи участія представителей общества, какъ таковыхъ, въ законодательствѣ и управленіи. Во второй половинѣ XVII в. органы „земли“, земскіе соборы, отмираютъ. Надо отмѣтить, что постоянное ограниченіе монархической власти было выгодно, въ пользу бояръ, у Василія Шуйскаго, въ пользу бояръ и всей земли, у королевича Владислава. Но ни Михаилъ Федоровичъ, ни Алексѣй Михайловичъ никакой „записи“ на себя, т. е. никакого конституціоннаго обѣщанія не давали.

Такъ въ XVIII вѣкѣ Россія вошла безъ всякаго участія общества въ дѣлахъ государства. Она была государствомъ, въ которомъ царилъ единая воля Монарха и только она. Въ этомъ таилась для государства величайшая опасность, которая раскрылась лишь въ концѣ XIX вѣка, когда созрѣли глубочайшія противорѣчія, обусловленныя фактомъ существованія въ Россіи, въ теченіе вѣковъ, государственной формы неограниченной монархіи.

Петровское преобразование, въ отличіе отъ смуты, было глубокимъ культурнымъ переворотомъ. Оно углубило социальныя противорѣчія между господствующими и подчиненными классами культурной рознью, и это обстоятельство во всемъ его значеніи было познано лишь въ наше время.

Въ началѣ XVIII вѣка произошелъ въ исторіи русской верховной власти кризисъ, которому обычно не удѣляется особеннаго вниманія, но которому я лично придаю огромное значеніе, ибо исходъ этого кризиса опредѣлилъ все наше политическое и социальное развитіе на пространствѣ двухъ столѣтій и тѣмъ самымъ даетъ ключъ къ пониманію второй великой русской смуты 1917 и слѣдующихъ годовъ.

19 Января 1730 г. умеръ 16-лѣтній императоръ Петръ II. Верховный Тайный Совѣтъ съ участіемъ двухъ фельдмаршаловъ избралъ на престолъ племянницу Петра Великаго герцогиню Курляндскую Анну Іоанновну. Это избраніе сопровождалось предложеніемъ ей „кондицій“, ограничивавшихъ самодержавную власть и являвшихся лишь первымъ шагомъ къ опубликованію цѣлой конституціи Россійской Имперіи, которую выработалъ кн. Димитрій Михайловичъ Голицынъ, главный дѣятель Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Кн. Димитрій Михайловичъ Голицынъ былъ русскій бояринъ-вельможа, старшій современникъ Петра Великаго. Онъ вовсе не былъ противникомъ преобразования. Но это былъ человекъ, критически относившійся къ тому, какъ осуществлялось преобразование, и къ личной жизни великаго императора. Онъ былъ живымъ носителемъ въ одно и то же время и старыхъ боярскихъ традицій, и извѣстнаго современнаго просвѣщенія, пріобрѣтеннаго имъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, и крѣпкаго національнаго духа. Этотъ замѣчательный представитель аристократическаго націонализма явился первымъ дѣятелемъ сознательнаго русскаго конституціонализма. Но идея русской конституціи тогда не ограничивалась однимъ кругомъ высшей аристократіи. Ею были проникнуты широкіе круги дворянства или шляхетства. Самая попытка ограничить власть императрицы разбилась о соперничество двухъ одинаково стремившихся къ конституціи силъ, верховниковъ и шляхетства. Этимъ соперничествомъ воспользовалась группа сторон-

никовъ самодержавія изъ иноземцевъ и гвардейскихъ офицеровъ. Пункты или кондиціи — какъ говорить современный официальный документъ — „Ея Величество при всемъ народѣ изволила изодрать“.

Послѣ неудачи кн. Дм. Мих. Голицына наступила бирюковщина и вообще періодъ временщиковъ, отчасти иноземныхъ, въ русской исторіи.

Кризисъ власти въ 1730 г. — великій поворотный пунктъ въ русской исторіи, на которомъ стоитъ остановиться. Въ кондиціяхъ или пунктахъ и въ тѣхъ конституціонныхъ проектахъ, которые развивали эти пункты, заключены были въ зародышевомъ видѣ двѣ основныя здоровыя идеи конституціонализма. Это: 1) идея обезпеченія извѣстныхъ правъ человѣка, его личной и имущественной неприкосновенности — 2) идея участія населенія въ государственномъ строительствѣ. Раннее появленіе этихъ идей въ англійскомъ законодательствѣ обусловило классическое здоровое развитіе британской государственности; забвеніе этихъ началъ могущественной государственной властью Франціи привело къ революціи. Въ постепенномъ осуществленіи этихъ началъ, въ постепенномъ распространеніи ихъ на все болѣе и болѣе широкіе круги населенія заключается гарантія мирнаго и здороваго развитія государственности. Въ русской литературѣ было широко распространено мнѣніе, что Россіи была вредна какая либо аристократическая конституція и что неудача верховниковъ предупредила водвореніе въ Россіи олигархіи. Историкъ 1730 г. сорокъ лѣтъ тому назадъ отвѣтилъ на послѣднее указаніе фактической справкой, что одержавшее побѣду надъ верховниками самодержавіе Анны Іоанновны являлось даже „не самодержавіемъ, а именно олигархіей, да еще вдобавокъ не національной, а иноземной“. (Д. А. Корсаковъ). Что касается перваго указанія, что Россіи была бы вредна аристократическая конституція, то оно прямо противорѣчитъ здравому историческому смыслу вообще и въ частности тому, чему учитъ русская исторія послѣднихъ 200 лѣтъ.

Несчастье Россіи и главная причина катастрофическаго характера русской революціи и состоитъ именно въ томъ, что народъ, населеніе, общество (назовите, какъ хотите) не

было въ надлежащей постепенности привлечено и привлекаемо къ активному и отвѣтственному участию въ *государственной жизни* и государственной власти.

Я выражаю это еще иначе: Ленинъ смогъ разрушить русское государство въ 1917 г. именно потому, что въ 1730 г. курляндская герцогиня Анна Юанновна восторжествовала надъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Готицынымъ. Это отсрочило политическую реформу въ Россіи на 175 лѣтъ и обусловило собой ненормальное, извращенное отношеніе русскаго образованнаго класса къ государству и государственности.

Въ самомъ дѣлѣ: шляхетство послѣ неудачи конституціонныхъ стремленій 1730 г. получило цѣлый рядъ льготъ и прерогативъ. Узелъ крѣпостнаго права затягивается все туже и туже, и съ нимъ растутъ другія дворянскія привилегіи. Укрѣпленіе и усиленіе крѣпостнаго права есть то возмѣщеніе, которое власть даетъ дворянству за отказъ въ политическихъ правахъ. Это есть какъ бы непосредственное слѣдствіе неудачи конституціоналистовъ 1730 г., но это характерно для всего соотношенія между властью и дворянствомъ (а съ дворянствомъ почти вполнѣ совпадалъ въ то время образованный классъ) на всемъ пространствѣ XVIII вѣка. И въ первой половинѣ XIX вѣка отсрочка политической реформы и отсрочка отмѣны крѣпостнаго права взаимно обусловлены.¹⁾

Между тѣмъ, въ этихъ двухъ отсрочкахъ — ключъ къ объясненію того, что мы пережили за послѣдніе два года. Слишкомъ поздно свершилась въ Россіи политическая реформа; слишкомъ поздно произошла отмѣна крѣпостнаго права. И поэтому, когда наступилъ въ Россіи конституціонный строй, — между образованнымъ классомъ и государствомъ, т. е. государственностью, лежала длинная историческая полоса взаимной отчужденности, тѣмъ болѣе роковая, что за это время образованный классъ измѣнилъ уже свой составъ и свою природу. Въ то же время массы населенія еще слишкомъ недавно вышли изъ рабскаго состоянія. Интеллигенція выросла во вра-

¹⁾ Личное крѣпостное право возможно и необходимо было отмѣнить въ концѣ XVIII или въ началѣ XIX в. Сложность всей крестьянской проблемы въ Россіи въ связи съ экономическимъ существомъ крѣпостнаго хозяйства я пытался разъяснить въ своей книгѣ „Крѣпостное хозяйство“ (Москва 1913 г., изд. Сабашниковыхъ.)

ждѣ къ государству, отъ котораго она была отчуждена, и въ идеализаціи народа, который былъ вчерашнимъ рабомъ, но котораго, въ силу политическихъ и культурныхъ условій и своего и его развитія, она не знала. Въ самомъ дѣлѣ, съ первой четверти XIX в. образованный классъ начинаетъ борьбу съ государственной властью за участіе въ государственной жизни. Эту борьбу ведетъ сперва почти исключительно дворянская интеллигенція, выступившая въ 1825 г. въ лицѣ декабристовъ.

Политическая реформа и реформа освобожденія крестьянъ, казалось бы, стояли на очереди въ царствованіе Александра I. Но власть упустила инициативу изъ своихъ рукъ, и произошелъ первый въ Россіи революціонный взрывъ. А потомъ кругъ образованныхъ людей расширяется, и они все болѣе и болѣе поддаются подъ вліяніе самыхъ широкихъ, самыхъ передовыхъ общечеловѣческихъ идей. Русская интеллигенція подъ прямымъ воздѣйствіемъ западноевропейской соціальной мысли становится социалистической и въ то же время радикально-демократической. Она вращается почти исключительно въ сферѣ отвлеченныхъ идей политическаго и соціального равенства, потому что, охраняя въ неприкосновенности принципъ неограниченной монархіи, историческая власть логически вынуждается не допускать интеллигенцію къ реальной государственной жизни и практической общественной работѣ. Между тѣмъ кадры интеллигенціи все растутъ и растутъ, жизнь все усложняется и усложняется, какъ въ Россіи, такъ и на западѣ. Въ царствованіе Александра II, въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, и въ особенности въ началѣ 80-хъ годовъ ставится вопросъ о политической реформѣ. Въ началѣ 60-хъ годовъ его ставитъ дворянское движеніе, въ началѣ 80-хъ годовъ онъ вытекаетъ изъ борьбы радикальной, социалистически-настроенной интеллигенціи съ самодержавнымъ правительствомъ и идейно ставится передовыми земскими элементами. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ власть не можетъ рѣшиться на политическую реформу. Въ 1881 г. самодержавная власть была очень близка къ этой реформѣ, но царубійство 1-го Марта производитъ и въ правительствѣ и въ обществѣ такую реакцію, что мысль о политической реформѣ от-

брасывается. Между тѣмъ, по состоянію умовъ въ интеллигенціи, тогда еще не было поздно для того, чтобы умѣренная политическая реформа — а только такая была возможна и разумна въ Россіи — была разумно и съ удовлетвореніемъ воспринята интеллигенціей. Кругъ „недовольныхъ“ былъ тогда сравнительно узокъ, и это было благопріятно для спокойнаго проведенія реформы. То же слѣдуетъ сказать и о началѣ царствованія Николая II. И тутъ власть могла взять инициативу въ свои руки, и „общество“ удовлетворилось бы умѣренной реформой. Но опять эта возможность была упущена, и по мѣрѣ отсрочки реальной реформы отвлеченныя требованія интеллигенціи все возрастали. Въ этотъ процессъ вклинилась японская война, во время которой невозможность обходиться безъ народнаго представительства, безъ свободы печати, вообще безъ того, что зовется конституціей, стала совершенно ясной. Къ сожалѣнію, и тогда власть не взяла своевременно инициативы реформы въ свои руки и дала ее *вынудить* у себя политической забастовкой, носившей почти стихійный характеръ.

Октябрьская революція 1905 г., протекшая, дѣйствительно, въ общемъ мирно и безкровно, могла принести Россіи реально политическую свободу и народное представительство въ формахъ, соотвѣтствующихъ ея культурному уровню, и въ то же время внести успокоеніе и удовлетвореніе въ умы, но при двухъ условіяхъ, которыя оба не были выполнены. Первое состояло въ томъ, чтобы власть искренно и безповоротно встала на почву тѣхъ конституціонныхъ принциповъ, которые она провозгласила. Второе въ томъ, чтобы образованный классъ въ то же время понялъ, что послѣ введенія народнаго представительства и (хотя бы частичнаго) осуществленія гражданскихъ свободъ опасность политической свободѣ и соціальному міру угрожаетъ уже не отъ исторической власти, а отъ тѣхъ элементовъ „общественности“, которые во имя болѣе радикальныхъ требованій желаютъ продолжать революціонную борьбу съ исторической властью. Это значило, что для русскихъ либеральныхъ элементовъ, скажемъ прямо, для выдвинувшейся тогда на первый планъ партіи народной свободы или кадетской, съ 17 Октября 1905 г. и, въ особенности, со времени созыва первой Думы, опасность была уже не справа,

а слѣва. Этого однако партія народной свободы не поняла. въ чемъ я вижу ея основную, я бы сказалъ историческую ошибку или грѣхъ. Въ то же самое время власть не понимала, что всякая борьба съ умѣренными элементами, которымъ она сама же, переворотомъ 3-го Юня 1907 г., т. е. измѣненіемъ избирательнаго закона въ Государственную Думу вопреки Основнымъ Законамъ, предоставила рѣшающую роль въ народномъ представительствѣ, есть нелѣпое поощреніе революціонныхъ теченій въ странѣ. Не слѣдуетъ забывать, что власть за все время существованія 3-ей и 4-ой Государственныхъ Думъ не желала никогда настоящимъ образомъ, искренно и послѣдовательно, опереться даже на партію октябристовъ. Этимъ она ослабляла себя, ослабляла партію октябристовъ и усиливала все „лѣвое“ въ странѣ.

Вѣковымъ отчужденіемъ отъ государства, обусловленнымъ крайнимъ запозданіемъ политической реформы, въ интеллигенціи создавался и поддерживался революціонизмъ. Наступила война. И тутъ опять повторилось то же самое. Власть не видѣла, что первымъ и главнымъ ея союзникомъ должны являться всѣ государственно мыслящіе элементы въ странѣ. А съ другой стороны, значительная часть государственно мыслящихъ элементовъ не понимала, что, каковы бы ни были ошибки и прегрѣшенія власти, все-таки врагъ слѣва, въ затаившемся, но работавшемъ въ значительной мѣрѣ на средства и подъ диктовку внѣшняго врага, Германіи, интернаціоналистическомъ социализмѣ и инородческомъ ненавистничествѣ Россіи. Власть и общество вели между собою болѣе или менѣе открытую борьбу, а враги Россіи учитывали эту борьбу, какъ элементъ ея слабости и гибели. Власть была ослѣплена, но такъ же, и еще больше, была ослѣплена общественность, не видѣвшая огромной опасности въ революціонизмѣ, который просачивался въ народныя массы, разлагалъ ихъ духовно и подготовлялъ крушеніе государства.

Когда въ Государственной Думѣ гремѣли рѣчи противъ правительства, ораторы Думы не отдавали себѣ отчета въ томъ, что совершалось внѣ Думы, въ психикѣ антигосударственныхъ элементовъ и въ народной душѣ. Просто большая часть русскаго интеллигентнаго общества не понимала народ-

ной психологіи и не учитывала трагической важности момента. Ей казалось, что она во имя патриотизма обязана вести борьбу съ правительствомъ. Но, конечно, сейчасъ для всякаго ясно, что единственнымъ разумнымъ, съ исторической точки зрѣнія, образомъ дѣйствія была величайшая сдержанность. Это слѣдуетъ сказать и о Государственной Думѣ и о печати.

Наступила революція. Ея размахъ, ея первыя проявленія обнаружили ея истинную природу. Революція была крушеніемъ государства и арміи. Она сдѣлала невозможнымъ продолженіе войны. Тѣ оппозиціонные элементы, которые въ Государственной Думѣ во имя патриотизма произносили рѣчи противъ правительства, наивно думали, что революцію народныя массы произвели во имя болѣе успѣшнаго продолженія войны. Между тѣмъ, поскольку въ революціи участвовали народныя и, въ частности, солдатскія массы, она была не патриотическимъ взрывомъ, а самовольно погромной демобилизаціей и была прямо направлена противъ продолженія войны, т. е. была сдѣлана ради прекращенія войны. Вотъ почему въ революціи такой успѣхъ имѣлъ пресловутый бессмысленный лозунгъ: „безъ аннексій и контрибуцій“.

Патриотическая идея революціи оказалась какимъ то интеллигентскимъ недоразумѣніемъ передъ лицомъ этой самовольно-погромной демобилизаціи. Такимъ образомъ, подлинная природа революціи рѣшительно разошлась съ тѣмъ, что въ ней воображала себѣ русская интеллигенція. Вообще подлинный ликъ революціи оказался совсѣмъ не тѣмъ, о какомъ мечтала русская интеллигенція, даже социалистическая. Логиченъ въ революціи, вѣренъ ея существу былъ только большевизмъ и потому въ революціи побѣдилъ онъ.

Но значительная часть русской интеллигенціи не имѣла мужества признать свои революціонныя заблужденія, изблеченныя жизнью. Нѣкоторая часть ея даже сознательно пріяла ужасную реальность этой антигосударственной и антиобщественной революціи и продолжала ее идеализировать по формулѣ „постольку — поскольку“, не желая понять, что эта революція есть цѣлостное, законченное въ себѣ явленіе, которое требуетъ къ себѣ такого же цѣлостнаго отношенія.

Революція эта была антипатриотична, противонаціональна

и противогосударственна и потому она съ логической и психологической необходимостью привела къ распаду арміи и къ разрушенію государства. Она была сочетаніемъ отвлеченныхъ радикальныхъ идей, на которыхъ воспиталась интеллигенція, съ анархическими, разрушительными и своекорыстными инстинктами народныхъ массъ. Она была пугачевщиной во имя социализма. Поэтому она такимъ разрушительнымъ смерчемъ пронеслась по странѣ. Въ концѣ концовъ она, подобно пугачевщинѣ, вылилась въ форму военной организаціи, осуществляющей гражданскую войну. Начавъ съ провозглашенія мира, съ отрицанія и разрушенія арміи, эта социалистически-интернационалистическая организація съ неслышаннымъ упорствомъ начала войну, всѣмъ ей жертвуя и ради самосохраненія все подчиняя социалистическому милитаризму. Обѣщаніе немедленнаго мира превратилось въ реальность непрерывной войны. Уничтоженіе арміи привело къ превращенію всего государства въ красную армію.

Были два выхода изъ того положенія, которое создалось логическимъ завершеніемъ этой революціи въ большевизмѣ: либо большевизмъ будетъ преодоленъ извнѣ, какой то внѣшней по отношенію къ нему силой, либо онъ будетъ преодоленъ изнутри, силами, развившимися въ немъ самомъ, подобно французской революціи, которая изъ себя родила революціонную армію и ея политическаго вождя.

Одно время казалось, что исторія безповоротно рѣшила вопросъ въ первомъ смыслѣ. Сейчасъ положеніе уже измѣнилось, и проблема русской революціи и контрреволюціи чрезвычайно усложнилась. Насколько въ своихъ первыхъ шагахъ, въ настроеніяхъ массъ, въ поведеніи интеллигенціи русская революція была непохожа на великую французскую, настолько, восторжествовавъ, она начинаетъ объективно перерождаться въ смыслѣ, въ извѣстной мѣрѣ сближающемъ ее съ французскими событіями конца XVIII и начала XIX вѣковъ. Русская революція не похожа на французскую. Но русская контрреволюція, сейчасъ смятая и залитая революціонными волнами, повидимому должна войти въ какое то неразрывное соединеніе съ нѣкоторыми элементами и силами, выросшими уже на почвѣ революціи, но ей глубоко чуждыми и даже противо-

положными. Въ этомъ самопреодолѣннн русской революціи, и *только въ немъ*, могутъ обнаружиться нѣкоторыя черты сходства между русскимъ и французскимъ революціоннымъ процессомъ. Но тѣмъ не менѣе нужно прежде всего отдать себѣ отчетъ въ глубинѣ различій обоихъ процессовъ.

Французская революція не только провозглашала идеи, но несмотря на реакцію, къ которой она привела, въ этой реакціи и осуществила свои идеи. Не то въ русской революціи. Все, что отъ нея останется, противорѣчить идеямъ, ею провозглашеннымъ. Она провозгласила социализмъ, но въ дѣйствительности она есть опытное опроверженіе социализма. Въ области аграрной она провозгласила отрицаніе частной земельной собственности, но самымъ важнымъ психологическимъ ея результатомъ является развитіе собственническихъ чувствъ и собственнической тяги народныхъ массъ къ землѣ, развитіе, которое ни къ чему другому, какъ къ утверженію крестьянской собственности, привести не можетъ.

Она провозгласила отрицаніе арміи, а между тѣмъ она логически привела къ тому, что армія приобрѣла въ жизни государства первенствующее значеніе. Она ниспровергла монархію и провозгласила народовластіе, а въ то же время сейчасъ диктаторская власть, опирающаяся на военную силу, есть единственная возможная для Россіи форма государственной власти. Съ другой стороны, и въ народныхъ массахъ и въ интеллигенціи идея монархіи сейчасъ весьма сильна, и есть многочисленные убѣжденные монархисты, которыхъ сдѣлала монархистами именно революція. Словомъ, ничего изъ идей этой революціи не осуществилось, а все, что подлинно осуществляется, противорѣчить ея идеямъ.

Вотъ почему русскую революцію 1917 и слѣдующихъ годовъ слѣдуетъ сближать, по ея характеру и по соотношенію въ ней идей и дѣйствительности, не только и даже главнымъ образомъ не съ великой французской революціей, а съ русской смутой XVI—XVII в.в., ибо въ нынѣшней русской революціи, какъ и въ первой смутѣ, осуществляется нѣчто, съ этимъ движеніемъ, какъ таковымъ, ничего общаго не имѣющее.

Мы не прозираемъ съ полной ясностью въ будущее и

русская революція— въ конечномъ своемъ результатѣ—стоитъ передъ нами неразрѣшенной загадкой. Но какими-бы путями ни пошло возстановленіе Россіи,—два лозунга, какъ намъ кажется, должны стать руководящими для стремленій и дѣйствій русскихъ патриотовъ, въ ихъ отношеніи къ прошлому и будущему Родины. И эти лозунги: *новая жизнь и старая мощь*. Нельзя гнаться за возстановленіемъ того, что оказалось несостоятельнымъ предъ лицомъ самой жизни, и въ этомъ смыслѣ мы стремимся къ *новой* жизни. Но въ то же время можно и должно трепетно любить добытое кровью и жертвами многихъ поколѣній могущество Державы Россійской. Мы никогда не считали Россію колоссомъ на глиняныхъ ногахъ. Ибо если-бы мы это считали, то какъ-бы мы вѣрили въ возстановленіе Россіи? А это значитъ, что мы вѣримъ въ подлинность той мощи, которой обладала историческая Россія. И новую жизнь Россіи поэтому мы не отдѣляемъ отъ ея старой мощи.

Петръ Струве.